

ПУЧЕЗАРНЫЇ. УРОКИ МАРАТА БАРТАНКУПОВА

Лариса Нода

*Старший преподаватель кафедры
истории и теории массовых
коммуникаций
КазНУ им. аль-Фараби*

Поведение - это зеркало, в котором каждый показывает свой лик.

В. Гёме

Он жил вкусно. Обожал работу, свою семью, людей. И всегда улыбался, излучая свет и добро. Что, у человека не было проблем? Конечно же, были, и он умел решать их спокойно, с достоинством выходя из каждой ситуации, коих в его-то жизни было немало. В юности – случайно узнанная тайна об отчине, заменившем ему отца, давшем фамилию и отчество, перевернула его сознание. Но никого, кроме младшей сестры, он в это не посвятил. В зрелости – смерть больной жены, новая семья, оправдания в партийных комитетах (чего, наверное, никогда не понять сегодняшним молодым). А еще защиты диссертаций в Москве, передраги на работе. Важная, очень важная деталь его характера: при всём том он жил, не озлобившись на людей и обстоятельства. Улыбаясь. Лишь усмешка, то добродушная, то снисходительная, но всегда лукавая, выдавала и переживания, и озабоченность. Но никогда – усталость или равнодушие.

Я удивлялась многому, например, он был на факультете, казалось, от рассвета до заката, а успевал глядеть по телевизору всё самое интересное, а потом еще и нас спрашивал: «Смотрели? Обсудим?» Его, профи высшей пробы, интересовало наше мнение! Мнение молодых.

Его постоянно видели в горах, любителем которых он был, и которым не изменял каждое воскресенье. Стремился приучить к походам в горы как можно больше человек. Он дружил с альпинистами, а не с сильными мира сего.

Кстати, он как никто другой умел ладить со всеми! А ведь его подопечные – студенты-заочники – амбициозные, творчески одаренные, мнящие себя как минимум Ауэзовыми и Хемингуэями, были отнюдь не простыми! Но перед Барманкуловым благоговели ВСЕ!

А еще – о его научных интересах и изысканиях ходили легенды! Телевидение, лингвистика, история. В какую редакцию не придешь в то время, все спрашивают: «Как там Борман? Читали его последнюю статью, книгу». В последние годы мы сблизились благодаря исторической теме, обсуждая «восстановленную» историю, события и факты прошлых веков. И меня поражало, как глубоко он «копал».

Почему заметки названы «Уроки Марата Барманкулова»? Да потому, что именно он еще тогда, в мои 17 лет, задал определенную этическую и профессиональную планку, именно его поведение было и остается для меня, ныне зрелой, мерилем совести, мерилем нравственности.

Всё, здесь описанное – это мой Барманкулов, мой Борман, как звали его поколения студентов. Мне повезло: пять лет я училась на его кафедре, он преподавал мне, а потом еще 14 лет мы вместе работали на факультете журналистики первого университета страны. Встреч-то было огромное количество! Но память очень избирательно выхватывает отдельные эпизоды, те мгновения, из которых я уже тогда извлекала уроки. Уроки доброты, честности, этики, уважения. Кому-то они покажутся мелкими, несущественными, но ведь из этих самых мелочей и состоит наша жизнь.

Эти уроки я берегу в своей памяти, они очень дороги мне, и рассказываю это впервые.

Урок заочный

Когда оканчивала школу, вопрос о выборе специальности не стоял: три года активнейшим образом сотрудничала с радио, сделала десятки настоящих звуковых передач, два года писала заметки в газеты. Ясно дело – журналистика. Вопрос другой: куда поступать? Тогда мы думали

уезжать из России, куда нас занесла воинская служба отца, где я окончила школу, а отец, военный журналист, прослужил десять лет главным редактором армейских газет, и выбор свой всё чаще останавливали на моей родине – Алма-Ате, в которой родители познакомились-поженились и счастливо прожили часть жизни.

Точку поставил папа: «В КазГУ декан журфака сейчас Марат, вот к нему и поедem, кстати, на твою родину».

Кто такой Марат, я знала по рассказам отца и фотографиям их студенческой поры, запечатлевшим молодых щуплых ребят на хлопке, на картошке, в студенческой аудитории. Среди однокурсников, о которых всегда с гордостью рассказывал папа, выделялся именно Марат. И в московской аспирантуре-то он учился, и защитился, и фильмы он снимает, и книги-учебники пишет. Потом я поняла, что Барманкулов – это бренд! И учиться у него – счастье! Одного папа не знал – Марат был деканом заочного факультета журналистики. А всё остальное – правда.

Уроки этики

Ни разу за почти двадцать лет нашего общения Барманкулов публично не показал, что знает моего отца. Дети журналистов, учащиеся на журфаке, – нормальное явление. Традиции сохраняются, поддерживаются, второе поколение журналистов приветствовали, в каких-то отчетах писали-гордились этим: как же, династии продолжают. Фамилии-то отцов и дедов все какие громкие – Алимжанов, Байжанов, Кияница, Нода, Скуратов, Столбовский, Ерсарин. И это только моя группа! Но говорить об этом вслух, корбя чувства остальных «не-детей», «не-поколений», Барманкулов себе не позволял.

Остальные же преподаватели могли в любой момент остановить, а что еще хуже – спросить о родичах и при всем курсе, при всем честном народе, Барманкулов – никогда! Нас очень часто, почти через каждые 45 минут, проверяли по списку сотрудники деканата и кафедр, оглашая фамилии, отнимая время от занятий и лишая нас перемен, и присутствовавшие при этом преподаватели особенно в начале семестра интересовались у молодых представителей перечисленных фамилий их родственными связями. Барманкулов же, зная всех «старших» в лицо, ни разу при людях ни о ком ничего не спросил! Мелочь? Не скажите. Один из наших, коему за эти годы надоело в очередной раз подтверждать принадлежность к высокому громкому родству, однажды просто и без затей ответил, что он лишь однофамилец са-

мого титулованного и знаменитого на тот момент писателя Казахстана. И мы, однокурсники, поняли его. Барманкулов-то ценил самого человека, его дела, его талант, а не фамилию.

В этом я убеждалась неоднократно, а впервые – аккуратно на творческом конкурсе, который предшествовал основным вступительным экзаменам по школьным предметам. Зайдя в аудиторию, я увидела, что моя пухлая папка с опубликованными в газетах и прозвучавшими по радио материалами, характеристиками, рекомендациями на журфак, дипломами и удостоверениями лежит перед красивым мужчиной в белой рубашке. Естественно, мой взгляд был прикован только к нему! Я даже не помню, кто еще был в приемной комиссии. Пока отвечали мои будущие однокурсники, Марат Карибаевич пролистал мою папку, внимательно прочитал некоторые творения и, довольный, закрыл папку с документами.

Когда очередь дошла до меня, тут же, не дав никому и рта раскрыть, всё всем про меня и поведал, как будто мы знакомы сто лет! Я опешила! Ничего себе! По ходу своего рассказа он уточнил у меня два момента, касающиеся работы на радио, комиссия задавала дежурные вопросы «для протокола», и всё! Борман вынес вердикт: «Наш человек!» и, улыбаясь, кивнул в мою сторону, удовлетворенно хлопнув по моей огромной папке.

Это потом я поняла, что вопросы-то его были профессиональные, не любопытства ради! А тогда – растерянность и радость!

Годы спустя я, напомнив Марату Карибаевичу эту нашу первую встречу, поблагодарила за поддержку. Он привычно ухмыльнулся: «Так у вас же были десятки материалов на радио! Поддержал-то заслуженно». И улыбнулся.

Уроки побуждения к творчеству

Мы все ждали, когда будет читать курс Барманкулов, интерес подогревали и старшекурсники, нет-нет и да спрашивавшие: «Вам Борман читал? Нет? Ну, тогда у вас всё впереди!»

Стремительно войдя в аудиторию, бросив на стол тоненькую папочку, бумагами которой он так ни разу и не воспользовался, быстро-быстро настроил аудиторию на свою волну. Естественно, телевизионную.

Кто работал в вузе, знает, как это подчас сложно – почувствовать настроение аудитории. Как читать, чтобы всем всё было понятно? Как увлечь своим предметом? Для преподавателя вуза вопросы-то неспрдажные. У Барманкулова, как педагога опытного, естественно, были свои

приёмчики.

Постоянно подчеркивая преимущества телевидения, он вопрошал у первокурсников: «Телекомплекс находится где?» И сам тут же гордо отвечал: «На главной площади столицы! А редакции газет и журналов где?» Он выдерживал паузу, после которой аудитория начинала гудеть. Имелось в виду девятиэтажное здание на улице Горького (сейчас Жибек жолы), 50, где тогда были сосредоточены редакции большинства газет и журналов. Аккурат напротив Зеленого базара.

А Барманкулов не унимался! У него была заготовлена «тяжелая артиллерия»: «Телевидение – это и картинка, и звук, и цвет! А с газетой куда обычно ходят?» Даже убежденные газетчики, а таких в тогдашних аудиториях было большинство, начинали хохотать.

А как Барманкулов читал лекции! Фантастика! Он мог войти в аудиторию с вопросом: «Кто из вас регулярно читает газеты?» Ой, естественно, лес рук! Он кивал, и 45 минут рассказывал удивительные, интереснейшие вещи. А потом под конец занятий вдруг спрашивал: «А где это я взял?» Тишина. Оказывалось, во вчерашнем номере «Комсомольской правды». Журналисты же...

Любой преподаватель знает, что бывают моменты, когда аудитория разболтана, и привести ее в чувство очень сложно. Тем, кому все равно, читают и так. Но Борман не мог себе этого позволить. У него, как у опытного психолога, был особый прием именно для таких случаев. Он выбирал самого активного и «играл» всю лекцию на него, обращался к нему по неизвестным темам, ставил в тупик вопросиками под хохот аудитории, не давая опомниться, приводил его же в пример, не всегда положительный... Такие лекции надолго запоминались, их обсуждали, и, будьте уверены – лектор добивался своего: тише воды, ниже травы все сидели в следующий раз, не желая попадаться на острый язычок любимого препода. Харизма так и прет! И всё это без нотаций, без угроз, к которым любят прибегать беспомощные профессора.

Записывать за ним было сложновато, ведь выдав теоретический кусок новой темы, он начинал анализировать и, естественно, уходил в сторону, так как хотел рассказать нам как можно больше! Сравнить! Показать, что можем сделать мы! Какой уж тут план?

Есть такой эвристический метод преподавания, в ходе которого применяются наводящие вопросы, рассчитанные на то, что учащийся

самостоятельно найдет решение. Барманкулов применял этот метод блестяще, обожал задавать кучу вопросов, оставляя аудиторию в легком недоумении. На чей-то робкий писк с места «И чё это такое?», лукаво отвечал, что осведомится у нас в следующий раз. Стимул – великое дело. И не забывал – спрашивал же! Сейчас я частенько применяю этот метод своего учителя и ответственно заявляю: действует на самых пытливых! Но такие в журналистике и нужны. Опробовано на будущих журналистах не раз!

Читая очередную тему, рассказывая о творчестве кого или иного журналиста, сценариста, не уставал повторять: «И вы так можете. И вам под силу снимать, писать!» Побуждение к творчеству было всегда. Когда кто-то начинал робко возражать, он, лукаво усмехаясь, предлагал: «А Вы попробуйте, потом и поговорим».

Как-то на спецкурсе вдруг спросил: «Когда последний раз вы были в редакции?» И каждый отвечал, многим тогда досталось...

Пишите, сочиняйте! Он не уставал нам это повторять. Я прекрасно помню, как он вдруг во время лекции обратился к аудитории: «Кстати, а кто из вас ведет дневник?» Парочка робких рук. И целый монолог в ответ: «А зря. Пишите, записывайте слова, образы, цитаты, фиксируйте услышанное, резанувшее слух. Что-то войдет в заметки, что-то в книги, в сценарии...». Какими далекими, заоблачными высями это казалось: книги, сценарии... И какой реальностью это стало годы спустя. Казалось бы, прописные истины, но из уст профи они слышатся совсем по-другому, значительнее, весомее. А сейчас я тоже самое твержу-талдычу нынешним студентам со ссылкой на своего дальновидного учителя. На умных действует.

Кстати, студент судит о преподавателе по нескольким критериям: как относится к студенчеству, как читает свой предмет и как принимает экзамены. Перед экзаменами Борман предупреждал: «Никакой воды, говорите суть!» И экзаменовал каждого не дольше трех-пяти минут, на свой страх и риск! Ибо проверяющие интересовались, как так можно принять экзамен у группы за час.

Вспоминая Барманкулова, я перелистала конспекты его лекций, свои дневники той поры, боже, сколько идей он просто дарил. Мы не видели и не слышали, а он уже писал о методе провоцированных ситуаций, так полюбившийся развлекательным каналам позже. Анализировал телевидение будущего, когда основная часть населения только разбиралась с появившимися

кнопочками на пульте. Это сейчас все кричат об импакт-факторе, а Барманкулов еще в 80-е годы предлагал ввести в отчеты пункт о количестве ссылок на то или иное произведение. Барманкулов сыпал идеями, которые, казалось, у него не переводились. И многое-многое воплощается: телевизионная и радиостудии, в которых студенты могут именно работать! Техническое оснащение аудиторий, творческие мастерские и мастер-классы профессионалов.

Уроки уважения

Перестроечное время, Марат Барманкулов стал деканом факультета потому, что авторитет его был непререкаем. Высокообразованный, демократичный и, я бы отметила это особо, понимающий! За что и любили его друзья, коллеги, студенты. Долго по журфаку ходила присказка: «Достойные есть, а Борман-то один».

Запомнилось выступление его коллеги: «Барманкулов живет по принципу: каждая неделя – статья, каждый месяц – фильм, каждый год – книга!» У меня был шок: и ведь правда! Так и есть! Работоспособности его мог позавидовать любой молодой!

Раньше было огромное количество собраний, фактически каждую неделю собирался весь факультет: то партийное собрание, то профсоюзное, то заседание Ученого совета, то еще что-то. Не только представительства, но и выступления были обязательны. Барманкулов всегда хвалил преподавателей своей кафедры. ВСЕГДА! Рассказывал, какие они замечательные. Этот книгу пишет, этот снимает, эта отвела студентов на телевидение. Никаких проблем и нареканий, только достижения. Как это окрыляло! Аванс от Барманкулова. Весь факультет знал: и студенты-то у Бормана самые-самые лучшие! Хвалил за дело! И как? При всём честном народе! И всегда обращался только на «Вы».

Так получилось, что читать лекции я начала именно на заочном факультете, деканом которого он был. Как бы мимоходом напутствовал: «Самая большая ошибка начинающего преподавателя – выложить всё, что знаешь за 20 минут. Поэтому приготовьте материала побольше и не торопитесь всё излагать, всегда обращайтесь к студентам». Искренние, очень нужные советы, я и не поняла сначала, что меня учит мой Учитель.

За всю жизнь в университете, а это с 1965 года, он не примазался ни к одной статье, ни к одному научному труду. Для многих профессоров-докторов поставить свою фамилию слева от настоящего автора – пустяк, оправдания

наготове: это ж для дела! Для быстрейшего издания, продвижения... Барманкулов не позволял себе этого никогда.

На большинстве кафедр постоянно менялись лаборантки, и лишь у Барманкулова неизменно работала Жанна-апай, перепечатывая на машинке десятки его трудов. Уйти от Барманкулова? Этого и в голову никому не приходило.

Белую рубашку помните? Всегда подтянутый, в костюме и в белой рубашке! Неизменно соблюдая дресс-код. А ведь тогда и слова-то такого в помине не было.

Как-то летом я спускалась по улице Мира. Шла, естественно, с радио. А навстречу Барманкулов в солнцезащитных очках. Марат Карибаевич остановился, снял очки. Господи, сейчас в новостных и прочих сюжетах народ очки черные не снимает – круче выглядеть хочет. Мы побеседовали, но это была бы не совсем правда – он задавал множество вопросов, а я отвечала, ведь его интересовало всё: какую передачу подготовила, куда ездила, есть ли вакансии в редакции, что за тему разрабатываю, кого буду «писать»... И тут же: «Идите на телевидение! За ним будущее!»

Урок родства

Как-то о моем брате, известном художнике, лауреате независимой Премии Тарлан, появился материал в газете. Захожу к Барманкулову, на столе та самая газета. Он с ходу: «Надо Андрея

познакомить с моей сестрой Баян, замечательным искусствоведом, пусть она о нем книжку напишет». Отвечаю, что Андрей и Баян Карибаевна плодотворно сотрудничают. В ответ: «Здорово! Я всегда говорю, что творческие люди находят друг друга!»

Как только я похоронила папу и, оправившись от потрясения, опустошенная, вышла на работу, одним из первых ко мне подошел Барманкулов. Обняв меня, произнес: «Держись! И знай, что по любому поводу, всегда, слышишь, всегда можешь обратиться ко мне, как к отцу. Поняла?» И легонько поцеловал меня в висок.

Поддержка, которая так была нужна именно в тот самый момент. Пустота рассеялась, растворилась. «Вот мы и породнились», – только и подумала я.

Как много еще хочется написать – и о том, как он собирал народ пешком отправиться на Иссык-Куль. И как, задумывая очередной сборник, в первую очередь помогал молодым, зная как это сложно – писать научным стилем. И как телепередачи и фильмы делал тогда, в далёких 60-х прошлого века. И как ...

Кинулась искать книги Барманкулова в интернете, а нет их! Взять в библиотеке можно, но сейчас есть выход – интернет! Чтоб все поколения студентов читали, изучали, потому что все книги написаны для молодежи, это ж даже по названиям видно.

